

И.А. Шмерлина
ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ СТАРЕНИЯ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИЛЛЮЗИИ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ АНОМАЛИИ (Часть I)

ШМЕРЛИНА Ирина Анатольевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра методологии федеративных исследований РАНХиГС при Президенте РФ; старший научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: Shmerlina@yandex.ru

Аннотация: Статья написана на материалах качественного исследования, проведенного Центром методологии федеративных исследований РАНХиГС и АНО «Социальная валидация» по заказу Благотворительного фонда «Ладога» летом 2012 г. среди пенсионеров Ивановской области (40 глубинных интервью) (руководители – Р.Е. Бумагин, Д.М. Рогозин). В статье проблематизируется предложенная Дж. Винсентом концептуальная дихотомия «либерализация старения» vs «либерализация от старения», представляющая своеобразную попытку вменить обществу правильную модель старения. На эмпирическом материале выведены три базовых сценария старения, характерных для современной провинциальной России: продолжение допенсионного образа жизни с сохранением установок активного трудоспособного возраста; доживание; переориентация на социальную и личностную реализацию в новых сферах жизни. Показано, что эти сценарии плохо стыкуются с названной дихотомией. О либерализации можно говорить только по отношению к третьему сценарию, при этом реализуется скорее вторая, нежели первая, из обозначенных альтернатив.

Ключевые слова: демографическое старение, культ молодости, либерализация старения, либерализация от старения, доживание, свободное время, социальные стигматы старости.

Новое прочтение темы старости

Западное общество давно переживает цивилизационный кризис, связанный с переосмыслением темы старости. Причины и ключевые параметры этого явления хорошо известны и многократно описаны в литературе. Это глобальное старение населения Земли, сокращение трудоспособного населения и усиление нагрузки на работающих, сопутствующие данному процессу социальные, медико-геронтологические и этические проблемы поддержания жизни в преклонном возрасте.

Существуют несколько специфических неэкономических¹ аспектов темы демографического старения, с осмыслением которых связана попытка органично встроить стареющее население в структуру социума.

© Шмерлина И.А., 2013

¹ Рамки работы не предполагают анализа макроэкономических параметров демографического старения.

- **Социальный аспект** заставляет обратить внимание на качество жизни в пожилом возрасте. Важнейшими параметрами выступают здоровье и физическое состояние организма, материальная обеспеченность, социальная включенность и душевный комфорт. Каждую из них можно прочесть по-разному, исходя из разного понимания того, какой объем ресурсов и благ нужен человеку на склоне лет (скажем, в российском здравоохранении в отношении старости откровенно доминирует установка на дожитие; впрочем, она часто присутствует и в отношении людей более молодого возраста).
- **Эволюционно-психологический аспект** связан с попыткой непредвзято осмыслить естественные потребности последних этапов жизни. В широком смысле речь идет о процессе личностного становления и самореализации, который для современного человека отнюдь не заканчивается в юношеском возрасте и часто бывает равен сроку самой жизни. При кажущейся безусловности этого тезиса здесь есть место для нетривиальных вопросов. Насколько ценностный настрой на личностную самореализацию в старости отвечает эволюционно-психологическим предрасположенностям человеческой природы? Не является ли в некоем эволюционном смысле более естественной и комфортной традиционная старость, исполненная родственной любви и заботы о внуках? Если это так, то в современной отчужденности бабушек и дедушек от внуков следует видеть социально-экологическую проблему – проблему коррозии естественной социальной среды старости. Если делать акцент на личностной самореализации, уместно ставить вопрос о способах последней. Достаточно ли отвечает этой потребности формат хобби, любительских занятий или она требует вовлеченности в более серьезные, социально значимые виды деятельности?
- **Этические аспекты** включают не только тему милосердия и возврата социальных долгов. Не умаляя важности этих привычных ракурсов рассмотрения темы пожилого возраста, полезно сформулировать симметричный тезис о *социальной ответственной старости*. Основания для подобной, непривычно жесткой, постановки вопроса уже приведены выше. В условиях, когда продолжительность пенсионного возраста исчисляется десятилетиями, а сам он все чаще сопровождается физической бодростью и нормальным самочувствием (именно к этому – минимизации унижительной дряхлости старческого возраста – стремится современная геронтология), рано или поздно общество начинает пересматривать свои моральные обязательства перед старостью. Пересмотр моральных конвенций происходит как в социальном плане, порождая весьма непростую социальную повестку дня (достаточно вспомнить вопрос об отодвигании границ пенсионного возраста), так и в плоскости межличностных отношений. Иждивенческие установки людей пенсионного возраста, требующих заботы от государства и близких, не всегда кажутся оправданными, по крайней мере в моральном плане. В социальной плоскости здесь важно четко дифференцировать вопрос о праве человека на социальную отдачу, требующий рассмотрения преимущественно в экономическом и юридическом ракурсах, и тему социального милосердия, готовности общества проявлять бескорыстную заботу о своих пожилых гражданах.
- **Гендерный аспект** проблематики старости чрезвычайно актуален. Хорошо известно, что современный человек преклонных лет – это преимущественно женщина. Во всем мире «социальные проблемы пожилых людей были и во многом останутся проблемами пожилых женщин» [2]. Данная тенденция особенно

резко проявляется в России, где разница между средней продолжительностью женщин и мужчин составляет 12 лет (76 и 64 соответственно). Это делает необходимым гендерно дифференцированное изучение особенностей жизнедеятельности, проблем и запросов граждан, перешагнувших социальный порог старости, т.е. вступивших в законодательно установленный пенсионный возраст.

- **Социо- и психофизиологические аспекты** старения. Выделение этой грани исследуемой проблематики связано с пониманием связи между социальными и психологическими установками в отношении старости и их соматическими и функциональными последствиями. Хорошо известно, что человек, настроенный на болезнь, уязвимее перед ней, нежели тот, кто стремится удержаться в формате здорового самочувствия. То же справедливо и в отношении старости. Эти почти тривиальные истины имеют самое непосредственное отношение к той модальности, в которой общество обсуждает тему старости.

Социально-мировоззренческие аспекты проблематики демографического старения

Причины старения человеческой популяции есть, безусловно, прежде всего следствие ее достижений – научных, технологических, социальных. Медицина, здоровое питание, умеренный труд, оставляющий жизненные силы для внеуродовой активности, – все это позволило отодвинуть порог старости и резко повысило представительность пожилых групп в демографической структуре человечества. В то же время задолго до социальных и научно-технологических успехов в западной культуре происходит переосмысление самой темы человека, идейно и мировоззренчески фундированное эпохой Возрождения и индивидуализирующей идеологией протестантизма. В этом отношении вопрос о том, что первично – научно-технологические достижения или духовно-мировоззренческие направляющие – допускает неоднозначные решения, а самой постановкой напоминает перевернутую логику веберовского анализа, позволившую сформулировать гипотезу о протестантских истоках капитализма.

В центре глубоких ценностно-мировоззренческих сдвигов, определяющих новое отношение западной культуры к старости, лежит безусловная максима, связанная с признанием индивидуальной человеческой жизни как высшей ценности, независимо от степени биологической оснащенности индивида, его дееспособности, личностного потенциала и общественной отдачи. Проявления этой максимы в жизни современного общества разнообразны. Трепетное отношение к детям, страдающим даун-синдромом, параолимпийские игры, включение инвалидов в активную социальную и культурную жизнь, превращение Стивена Хокинга в телезвезду – все это разные симптомы одного и того же цивилизационного процесса, ведущего к повышению градуса гуманизма и общественного внимания к слабым членам общества. Ценностно-мировоззренческая рамка, в которую вписан этот процесс, может быть расширена еще больше, – это благоговейное отношение к любой форме жизни вообще. В таком отношении вполне уместно вспомнить о социальных проявлениях любви к братьям меньшим, достигающей порой такого накала, что, возможно, в близком будущем права животных окажутся закреплены конституционно. Все это – составляющие единого цивилизационного потока, одним из рукавов которого является либерализация старости.

Пожилые люди – не только акторы, но и агенты, активные участники, драйверы этого процесса. Они отстаивают свое право на активную осмысленную созидательную деятельность,

познание, релакс и удовольствия, любовь, секс и личное счастье, вплоть до материнства в преклонные годы.

Западный кинематограф и телевизионная публицистика давно и успешно осваивают тему активной и полноценной старости. Еще одной, весьма показательной в этом отношении сфер выступает косметическая индустрия. Еще недавно возрастной порог либерализации программ ухода за внешностью составлял «40+». Сегодня известный российский косметический концерн выпускает крем «60+», а на страницах женских журналов, «лицо с обложки» которых редко бывает старше 25 лет, диапазон глянцевого совета о том, как сохранить молодость кожи, отодвинулся до отметки «70+».

Мы не случайно отметили несоответствие между юным «лицом с обложки» и содержанием женских журналов, которое все чаще адресуется далеко не юным богиням. В этом «глянцевом противоречии» отразился очень серьезный мировоззренческий диссонанс современной западной цивилизации, которая, с одной стороны, пытается осмыслить тему «третьего возраста», а с другой – находится под мощным культурно-ценностным прессом *культы молодости*. Неудивительно, что сегодняшние поиски нового образа старости происходят преимущественно в формате *бегства за молодостью*, в теоретическом дискурсе осмысленного как либерализация от старости (см.: [5]). Эта стратегия, одним из крайних проявлений которой выступает «гламурная старость» (термин Д. Рогозина [частная беседа]), встречает скепсис со стороны социальных ученых и насмешки общества. Взамен ей предлагается более достойный, по мнению исследователей, вариант либерализации старости, связанный с использованием преимуществ пожилого возраста.

Сама эта дихотомия примечательна: она отражает попытку социальной науки не только понять современные тенденции, связанные с организацией жизни в старшем возрасте, но и вменить обществу правильную модель старения. Такая интенция весьма характерна для социологии, среди идейных истоков которой центральное место занимает критический мелиоризм, задающий специфический, менторски-поучительный и/или активистский ракурс воззрения на социальную реальность.

Концепция Джона Винсента, в изложении которой мы следуем за ее аналитическим описанием, представленном в [5], содержит очень внятную и убедительную, на первый взгляд, дилемму:

«Проанализировав сотни исследований и аналитических текстов, посвященных старению, Джон Винсент обозначил ключевую дихотомию, определяющую положение людей старшего возраста, как либерализацию от старения и либерализацию старения. В частности, он пишет:

Пожилой возраст не может быть чем-то, чего следует избегать. Очень важно различать либерализацию от старшего возраста от либерализации старшего возраста. Первая достигается через продолжающуюся молодость, в то время как вторая – через конструирование значимости “третьего возраста”. Или, другими словами, первая конструируется через вневозрастную идентичность, а вторая представляет освобождение от ограничений среднего возраста. Первая – не более чем иллюзия, вторая – реальная возможность [35², р. 168]» [5, с. 63–64].

Принятие первой, недостижимой альтернативы, порождает, по мнению исследователя, легкомысленный, исполненный напускного энтузиазма, даже смешной, а по сути, глубоко трагичный образ старости; принятие второй дает возможность осмысленной и достойной

² Vincent J. Oldage. New York: Routledge, 2003.

жизни на склоне лет. В первом случае «вступление в пожилой возраст лишает человека каких-либо перспектив. Хорошая старость – это всего лишь удержание молодости, замедление неотвратимых процессов деградации и разрушения, не более чем либерализация от старения (по Дж. Винсенту). Таков безысходный и трагичный образ старости. Либерализация старения – ответ на складывающиеся демографические тенденции. Следует не бежать от старости, а искать в ней смысл, исключительные возможности и перспективы. В первую очередь это освобождение старшего возраста от накопленных стереотипов; отказ от тотального техногенного подхода, опирающегося на медицинские диагнозы; открытие новых идентичностей, основанных на прожитых годах, опыте, недоступном в более раннем возрасте ...на ...триаде – здоровье, труд и знания – может быть выстроен либеральный образ активной старости, самодостаточной в поиске ресурсов и средств, необходимых для реализации собственных идей и целей» [5, с. 66].

Нейтральный, свободный от «предрассудков гуманизма», взгляд на описанную дихотомию допускает принципиально иную интерпретацию альтернатив, ее составляющих.

Красивый образ правильного старения быстро разрушается, стоит только задуматься, о каких конкретно преимуществах, смыслах, исключительных возможностях и новых перспективах может идти речь в отношении стареющего человека современного общества. Об удовлетворении достигнутым, будь то успешные дети, профессиональные достижения или просто достойно прожитая жизнь? Нет слов, это скрашивает старость, оправдывая прожитое, но не придает смысла настоящему. В специфически российском ракурсе подобная ретроспекция выглядит порой весьма жестко:

И*: Как думаете, у человека какие должны быть цели в жизни?

Р**: Цели в жизни? Это прожить хорошо.

И.: А вам такая цель удалась?

Р.: Удалась.

И.: Удалась, Вы считаете? Вы считаете, что у вас хорошо жизнь прошла?

Р.: Я доволен своей жизнью. Так-то пускай у меня все в труду, все в заботе, но, сколько горя пережил, это никому не скажешь. А и не с кем, а кто тебе что поможет, никто. Поделишься, и все.

* – интервьюер.

** – респондент.

Безусловно, можно найти и иные, более позитивные модели восприятия прожитых лет, вписывающиеся в клише «мои года – мое богатство». Нас, однако, интересуют не столько индивидуализированные, сколько общественные смыслы, атрибутируемые пожилому возрасту.

За нормативной моделью либерализации старения просматривается стремление удержать миф о духовно-интеллектуальном богатстве старших поколений. Истоки этого мифа столь глубоки, что общественное сознание (в том числе в лице своих теоретиков) не может от него отказаться, несмотря на то что в повседневном дискурсе этот тезис давно подвергся глубокой коррозии.

Исследователи утверждают: «По всей видимости, уважительное отношение к старику как к хранителю знаний и полноправному члену коллектива было характерно для ранних этапов развития человеческого общества... Можно предположить, что до преклонных лет в палеолите доживали лишь наиболее психологически уравновешенные и приспособленные к сложной социальной организации индивиды...

Пожилый человек был основным хранителем знаний и священных традиций первобытной локальной группы... Это справедливо для всех бесписьменных обществ. Знания стариков, реализуемые более молодыми и сильными соплеменниками, были одним из важнейших факторов развития, гарантией оптимальной успешности первобытной локальной группы» [6].

Сегодня роль стариков как носителей родового предания и родовой мудрости упразднена [3]. Тем не менее, замечает исследователь, «в общественном сознании сохраняются следы представлений, что старики являются носителями какого-то особого знания, которое они должны передать ...молодым» [3]. Фактически в общественном и даже непосредственно повседневном сознании одновременно существуют два принципиально отличных типа отношения к старшим поколениям. С одной стороны, акцентированное уважение к пожилым, усиленное пафосом Великой Отечественной, с другой – пренебрежительное и даже презрительное восприятие уходящих поколений, оставшихся где-то там, за чертой современного мира. Это когнитивное противоречие отчасти смягчается тем, что по первому типу конструируется обобщенное восприятие старших поколений, а по второму – отношение к его конкретным представителям.

Эти жесткие выводы имеют непосредственные эмпирические подтверждения в материалах настоящего исследования. Так, пожилая женщина с обидой замечает:

- ...вы знаете, как сейчас, ...как к нам молодежь-то относится, они же нас вообще за глупых считают, они нас считают за глупых ...нас за дурачков, ...с насмешкой там, смотрят там это на тебя такую...

Разумеется, такое отношение к пожилым людям морально недопустимо. Однако следует признать реальную проблему, стоящую за подобным отношением. В условиях современного общества, с его исключительным динамизмом всех сфер жизни – материально-технологической, социокультурной, морально-ценностной, духовной, эстетической – говорить всерьез о социальных преимуществах пожилого возраста весьма затруднительно. Нет никаких сомнений, что правда жизни – у молодых.

Внешне несерьезные, но по сути очень глубокие и тонкие симптомы справедливости этого вывода содержит сфера моды. Обратим внимание на то, что современная мода ориентирована целиком и исключительно на молодых, более того – *очень молодых*. Для людей не то что пожилого, но даже зрелого возраста моды не существует. Единственное, что допускает современная эстетика «комильфо» (и что постоянно подчеркивает все модные эксперты), – это возможность *до определенного возраста в умеренной степени* использовать модные тренды, причем этот определенный возраст обычно фиксируется на отметке 35 лет. Все эти теоретические рассуждения хорошо согласуются с массовыми представлениями. Так, по мнению большинства – 66% – россиян, *наилучший возраст жизни* приходится на период от 20 до 40 лет [4, с. 53].

Этим данным вторят и материалы ивановского исследования. Приведем, в частности, ответ 64-летней участницы:

И: Скажите, Валентина Павловна, как Вы считаете, какой период жизни для вас является лучшим?

Р: Молодежный, молодость, конечно, до 35. Даже не 35, до 40 лет. Конечно, молодость. Что вы? Умные, молодые!

Все вышеназванное позволяет усомниться в жизнеспособности концепции либерализации старости. Альтернативная концепция либерализации от старости выглядит гораздо более реалистично.

Неслучайно переопределение старости происходит сегодня не за счет выработки каких-либо специфических конструктов, атрибутируемых именно старшему возрасту, а за счет культурно-ценностной легитимации использования паттернов молодости в этот период. Уже само сочетание «молодые старики», с помощью которого описываются эти процессы, весьма показательно.

«...В начале 1970-х гг. американские геронтологи Бернис Нейгартен и Этель Шанас впервые заговорили о молодых стариках (the Young Old) и старых стариках (the Old Old) [17]³. В 1990-е гг. английский демограф Питер Ласлетт предложил разделить жизненный цикл современного человека на четыре стадии⁴. Две последние стадии – “третий возраст” и “четвертый возраст” – соответствуют “the Young Old” и “the Old Old”...»

“Молодые старики”, к которым чаще всего относят пожилых людей в возрасте до 75 лет, отличаются от своих ровесников полувековой давности хорошим здоровьем и сравнительно высокой ожидаемой продолжительностью жизни, высоким образовательным статусом, относительно высоким уровнем благосостояния, основанным на получении устойчивого дохода в виде пенсий и накопленного за жизнь богатства... “Молодые старики” энергичны, активны. Получив от общества в дар свободное время, многие тратят его на занятие общественной деятельностью или путешествия. ...Образ жизни этих людей не соответствует стереотипным ролям, приписываемым старикам. Формальные возрастные рамки ограничивают их возможности. Многие из них хотели бы и в состоянии продолжать работать после наступления пенсионного возраста, и, как показывают исследования, качество этой работы будет не ниже, чем у представителей молодых поколений. Традиционному образу “немощного старика” соответствует группа “старых стариков”, большая часть которых из-за проблем со здоровьем постоянно нуждается в функциональной поддержке и отходит от общественных дел. В интерпретации Питера Ласлетта... “третий возраст” представляет новый феномен в истории, который является продуктом успешного экономического и демографического развития, щедрой социальной политики. Выделение “третьего возраста” означает появление еще одного этапа в жизненном цикле человека... в дополнение к классической триаде “детство–взрослость–старость”. Следовательно, старости в этой схеме отводится “четвертый возраст”» [2].

Исследователи подчеркивают, что «молодые старики» «не вписываются в сложившиеся рамки стереотипов восприятия стариков и являются заложниками приписываемых им возрастных ролей» [2]. Сфера маркетинга, весьма чувствительная к новым социальным трендам, так или иначе работающим на увеличение объема продаж, уже всю эксплуатирует этот противоречие. Так, реклама препарата для сердца начинается с тезиса «Несерьезным можно быть и в 50...», с одной стороны, освобождая человека от навязанной ему возрастной

³ Neugarten B. L., Age groups in American Society and the Rise of the Young Old. Political Consequences of Aging, Annals of the American Academy of Social and Political Science. 1974, Volume 415.

⁴ Laslett P., A Fresh Map of Life: the Emergence of the Third Age. London. 1990; Laslett P., What is Old Age? Variation over the Time and between Cultures. In: G.Caselli and A.Lopez (eds.), Health and Mortality among Elderly Populations. Oxford, 1996.

роли, а, с другой – напоминая о биологических процессах, идущих независимо от каких бы то ни было социальных ролей.

Впрочем, не только реклама медицинских препаратов, но и сама медицина делает сегодня акцент на либерализации от старения. Именно эта сторона названной дилеммы задает принципиальное направление медико-биологических исследований, начиная от медицинской косметологии и заканчивая последними разработками в сфере микробиологии (исследования акад. В.П. Скулачева⁵). Исследования Скулачева, пожалуй, впервые принципиально переформулировали центральную задачу геронтологии – она, по мнению ученого, должна состоять не в продлении жизни, а в преодолении старости, в избавлении от унизительного и мучительного процесса дряхления организма.

2. Эмпирические модели старения

Сегодня, когда человечество еще не научилось лечить старость, пенсионный возраст предоставляет человеку три принципиальные альтернативы:

- продолжение допенсионного образа жизни с сохранением установок активного трудоспособного возраста;
- доживание, связанное со спадом активности во всех (или, как минимум, общественно значимых) сферах жизни, отсутствием новых перспектив, часто – общим падением интереса к жизни, переориентацией внимания на текущие вопросы жизнеобеспечения и поддержания здоровья и/или на интересы детей и внуков;
- переориентация на социальную и личностную реализацию в новых сферах жизни.

Прежде чем перейти к рассмотрению того, как эти стратегии реализуются в сегодняшней провинциальной России, – несколько предварительных замечаний.

Во-первых, эти альтернативы имеют возрастную привязку и выступают не столько альтернативами, сколько типичными практиками на определенных этапах старения. Так, до известного возрастного порога (как правило, до 70 лет) (см. [5]) в большинстве случаев реализуется первый вариант – продолжение допенсионного образа жизни, и лишь затем более или менее отчетливо можно увидеть развилку между вторым и третьим вариантами.

Во-вторых, изложенные в настоящем разделе типовые ситуации выведены на базе изучения жизни в российской глубинке – Ивановской области. Социальная обстановка здесь достаточно однородна, и потому легко просматриваются некоторые общие черты, характерные для провинциальной старости: низкий уровень жизни, острые бытовые проблемы, некачественное медицинское обслуживание, бедная культурная среда, скука, неприкаянность. Тем не менее даже на этом высокооднородном фоне можно выделить несколько специфических стратегий старения. Что касается крупных городов, оставшихся за рамками настоящего исследования, нет сомнений в том, что они представляют собой отдельную социальную реальность, требующую специального фокусированного анализа.

Третье. Позитивная старость (старость, окрашенная позитивными эмоциями) возможна для всех выделенных стратегий старения, будь то продолжение прежнего, допенсионного образа жизни, доживание либо переключение на новые смыслы и виды деятельности.

Четвертое. Эмпирические наблюдения редко представляют исследователю примеры чистых моделей. Как правило, в конкретной жизненной ситуации реализуются элементы

⁵См.: [<http://skq-project.ru/>].

нескольких стратегий. Теоретически возможным, но практически не встречающимся вариантом является сочетание первой и третьей стратегий (продолжение трудовой деятельности + личностный рост в новых сферах жизни). Весьма благоприятным и в целом достаточно распространенным вариантом выступает наложение второй и третьей стратегий (доживание + появление новых смыслов жизни). Плохо, когда в связке идут первая и вторая стратегии (сохранение трудовой активности и доживание); это бывает в тех случаях, когда выбор первого пути является не столько добровольным, сколько навязанным решением. Часто в качестве внешней принудительной причины называли материальную необходимость, невозможность прожить на пенсию. Любопытно, однако, что в материалах интервью подобные случаи присутствуют только как «экспертные свидетельства», имеющие отношение к жизни других людей, но не получают непосредственных биографических подтверждений. По отношению к себе информанты предпочитали выдвигать на первый план иные аргументы – интерес к работе, привычку к трудовому образу жизни, желание помочь детям и внукам.

Наконец, последнее замечание. Выведенные эмпирически сценарии плохо стыкуются с дихотомией *либерализация старения vs либерализация от старения*. Фактически о либерализации можно говорить только по отношению к третьему сценарию и, по всей видимости, при этом реализуется скорее вторая, нежели первая, из обозначенных альтернатив.

Стратегия 1. *Продолжение допенсионного образа жизни с сохранением установок активного трудоспособного возраста*

В целом это один из наиболее позитивных сценариев старости. Так, героиня цитируемого ниже фрагмента субъективно живет в молодом и активном трудоспособном возрасте и потому, несмотря на свои 66, отказывается признавать себя пожилым человеком. Ее история – абсолютно точное иллюстративное попадание в теоретический вывод исследователя о том, что «старость как определение, несущее негативные коннотации, связывается с периодом прекращения трудовой активности, вносящей, пожалуй, основной вклад в формирование идентичности современного человека» [5, с. 76].

И: В общем, мы изучаем жизнь пожилых людей в провинции.

Р: Ладно, я к ним присоединяюсь. Я же не пожилая.

И: Простите. Вообще, людей пенсионного возраста. Сколько вам лет?

Р: 66.

...И: Вы еще работаете, Людмила Константиновна?..

Р: Да. Веду подвижный образ жизни, здоровый образ жизни, детям навязываю свой образ. Туризм веду я в школе.

...И: Вы работаете и прекращать пока не собираетесь?

Р: Нет, пока нет. Я буду работать пока. 65 было у меня, мы договаривались, что в 65 я ухожу. А мне 66 уже. Я что, 70 не выдержу?

...И: А чего будете делать, если что вдруг? Чем заниматься будете?

Р: Свое дело открою. Прокат сделаю туристических товаров. У меня много накопилось.

И: Оборудование?

Р: Да, пункт проката. Да я бесплатно могу работать, в 10-ю школу пойду, у меня будет народ.

Трудовая активность приносит женщине осознанное чувство удовлетворения. Это ее выбор и ее смысл жизни, ей действительно *нравится* то, чем она занимается, и она не намерена оставлять любимое дело при любом раскладе обстоятельств. Стоит, однако, подчеркнуть, что для той «популяции», которая являлась объектом изучения (*граждане провинциальной России старше 50 лет*), это не совсем типичный случай. Чаще мотивация к продолжению трудовой деятельности имеет не столько позитивную (удовольствие от дела), сколько негативную окраску – страх остаться не у дел, с пустым пространством незанятого свободного времени.

Между тем гипотетически именно пространство свободного времени представляет важнейший ресурс *либерализации*, будь то либерализация старения или либерализация от старения.

Люди, выходящие на пенсию, получили, по выражению Денисенко, «от общества в дар свободное время» [2]. Это бесценный дар, если уметь им правильно распорядиться, именно с ним связано главное из очевидных преимуществ старости – возможность жить в свое удовольствие.

Однако этот дар часто воспринимается как бремя. Впрочем, это отнюдь не специфическая проблема старшего возраста. Вопрос *чем занять себя в свободное время* остро стоит и в более молодом возрасте (достаточно вспомнить новогодние каникулы, чтобы признать справедливость этого утверждения) (см., в частности [6]).

То, как человек распоряжается своим свободным временем, характеризует его, пожалуй, больше, чем работа. Выбор последней часто определяется прагматическими и ситуационными обстоятельствами, свободное же время открывает пространство для реализации желаний и проявляет истинные интересы, запросы, потребности личности. Если потребности примитивны, запросы скудны, а материальные возможности ограничены, свобода распоряжаться своим временем из ценности превращается в бремя. Человеку просто нечего проявлять, и ему становится скучно.

...ну что такое пенсионер, чем занять себя? Чем себя занять?! Ну чем?

И: А как вы представляли себе жизнь до выхода на пенсию? Когда вы работали, то представляли, что выйдете на пенсию...

Р: С ужасом.

И: С ужасом представляли?

Р: Да.

И: Уже изначально боялись?

Р: Изначально. Я думал, выйду на эту пенсию и сяду дому, и что я там...

Страх перед пустотой жизни на пенсии – одна из важнейших причин широко разделяемого мнения о том, что предпочтительным при условии нормального физического самочувствия образом жизни пожилого человека было бы продолжение трудовой деятельности.

Часто сюда подверстывается еще один сильный аргумент – дополнительный доход, потребность в котором в значительном числе случаев объясняется стремлением помочь детям и внукам, и это имеет отношение к следующей стратегии – *доживания* (продолжение статьи см. в следующем номере журнала).

Литература

- 1 Григорьева И. Социальное обслуживание пожилых и развитие сообществ: применим ли западный опыт в России? //Отечественные записки. 2005. № 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/socialnoe-obsluzhivanie-pozhilyh-i-razvitie-soobshchestv-primenim-li-zapadnyy-opyt-v-rossii>.
- 2 Денисенко А. Тихая революция //Отечественные записки. 2005. № 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/tihaya-revolyuciya>.
- 3 Левинсон А. Старость как институт //Отечественные записки. 2005. № 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/starost-kak-institut>.
- 4 Левинсон А. Г. Институциональные рамки старости //Вестник общественного мнения: данные, анализ, дискуссии. 2011. Т. 109. № 3. С. 52–81.
- 5 Рогозин Д. М. Либерализация старения, или Труд, знания и здоровье в старшем возрасте //Социологический журнал. 2012. № 4. с. 62–93.
- 6 Шмерлина И. А. Свободное время – навязанное пространство жизни? //Социальная реальность. 2007. № 9. С. 5–31.